

Посвящается Айре Левин

Джинни перевела взгляд на возвышающееся перед ней здание; ее ноги твердо стояли на земле, но ее сердце переполняли чувства, бескрайние, как бушующее море. Даже в самых смелых своих фантазиях она не думала, что когда-то окажется здесь. Это место всегда было таким ей далеким и недостижимым, словно сказочный замок. Оно и выглядело как сказочный замок — высокое, внушительное, украшенное статуями горгулий. Дворец Манхэттена, населенный местной элитой.

Те, кто жил за его пределами, называли его Бартоломью.

Но Джинни теперь по праву могла назвать его своим домом.

*Грета Манвилл,
«Сердце мечтательницы»*

Сейчас

Темнота резко сменяется светом, и я просыпаюсь. Кто-то раскрывает мой правый глаз. Затянутые в латекс пальцы нетерпеливо раздвигают мне веки, словно непослушные жалюзи.

Снова свет. Резкий. Невыносимо яркий. Мне в глаз светят фонариком.

Потом то же самое проделывают с моим левым глазом. Раздвигают веки. Светят фонариком.

Потом мои глаза оставляют в покое, и я вновь погружаюсь во тьму.

Чей-то голос. Мужской, мягкий.

— Вы меня слышите?

Я открываю рот, и мою нижнюю челюсть охватывает боль. Пронзает шею и щеку.

— Да.

Я едва могу говорить. Мой рот совершенно пересох. Но на губах я ощущаю что-то влажное с привкусом металла.

— Это кровь?

— Да, — отвечает тот же самый голос. — Но могло быть и хуже.

— Намного хуже, — добавляет другой голос.

— Где я?

Первый голос отвечает:

Запри все двери

— Вы в больнице, милая. Нам нужно провести еще пару обследований, чтобы понять, насколько серьезно вы пострадали.

Тут я понимаю, что двигаюсь. Я слышу звук колесиков, скользящих по полу, и ощущаю легкое покачивание каталки, на которой лежу. До этого мне казалось, будто я парю в воздухе. Я пытаюсь пошевелиться, но не могу. Мои руки и ноги привязаны к каталке. Что-то обвивает мою шею, фиксируя голову на месте.

Я не одна. Рядом по меньшей мере три человека. Двое говорящих и третий, толкающий каталку. Я ощущаю чье-то теплое дыхание на мочке уха.

— Давайте проверим, что вы помните. — Снова первый голос. Самый разговорчивый. — Можете ответить на пару вопросов?

— Да.

— Как вас зовут?

— Джулс. — Я делаю паузу — меня раздражает теплая влага на губах. Я пытаюсь слизнуть ее непослушным языком. — Джулс Ларсен.

— Здравствуйте, Джулс, — отвечает мужчина. — Меня зовут Бернард.

Я пытаюсь поздороваться в ответ, но у меня все еще болит челюсть.

Как и вся левая сторона тела, от плеча до колена.

Как и голова.

Боль накатывает на меня волной за считанные секунды, хотя до этого я почти ничего не чувствовала. Или, возможно, была просто не в состоянии ее воспринимать.

— Сколько вам лет, Джулс? — спрашивает Бернард.

— Двадцать пять. — Я замолкаю, пытаюсь справиться с новым приступом боли. — Что со мной случилось?

Райли Сейгер

— В вас врезалась машина, милая, — говорит Бер-
нард. — Или же вы врезались в машину. Мы не до
конца разобрались в деталях.

Я ничем не могу ему помочь. Я не помню никакой
машины. И вообще ничего не помню.

— Давно?

— Всего несколько минут назад.

— Где?

— Возле Бартоломью.

Я непроизвольно распахиваю глаза.

Мне в лицо бьет яркий флуоресцентный свет. Бер-
нард идет рядом с каталкой. Он одет в яркую больнич-
ную униформу, у него темная кожа и добрые карие
глаза. Я смотрю прямо в них и прошу:

— Пожалуйста, не отправляйте меня обратно.

Шесть дней назад

1

Лифт напоминает мне птичью клетку. Просторную и нарядную клетку — тонкие прутья и позолота. Заходя в лифт, я невольно думаю о птицах. Экзотических, ярких, элегантных птицах.

В отличие от меня.

А вот женщина рядом со мной в своем синем костюме от «Шанель», с безупречно уложенными светлыми волосами и дорогими кольцами на ухоженных руках как раз такая. На вид ей около пятидесяти. Может, чуть больше. Ботокс придает ее коже упругость и сияние. Ее голос чем-то напоминает шампанское — звонкий и искрящийся. Даже имя у нее соответствующее — Лесли Эвелин.

Все-таки это собеседование, так что я тоже в костюме.

Черном.

Не от «Шанель».

Туфли я купила на распродаже. Мои каштановые волосы до плеч явно нуждаются в стрижке. Я бы зашла к парикмахеру, но даже это мне не по карману.

Кивая, я пытаюсь изобразить заинтересованность в рассказе Лесли Эвелин:

— Лифт сохранился в неизменном виде, само собой, как и главная лестница. В лобби почти ничего не

поменялось с 1919 года. В те времена здания строили так, чтобы они могли простоять века.

И так, чтобы у людей не оставалось никакого личного пространства. В крохотной кабине нам с Лесли приходится стоять вплотную друг к другу. Впрочем, недостаток места с лихвой возмещается пышным убранством. Пол застелен красным ковром, потолок украшен сусальным золотом. Нижняя половина стен отделана дубовыми панелями, которые выше сменяются рядами узких окон.

Лифт оборудован сразу двумя парами дверей — одна из них, с тонкими словно проволока прутьями, закрылась сама по себе, другую, представляющую собой металлическую решетку, Лесли закрывает вручную, прежде чем нажать кнопку верхнего этажа. И вот мы трогаемся с места, медленно, но неуклонно поднимаясь на вершину одного из самых знаменитых зданий Нью-Йорка.

Если бы я знала, что квартира находится именно здесь, то ни за что не стала звонить по объявлению, сочтя это пустой тратой времени. Я не Лесли Эвелин, которая держит в руках портфель карамельного цвета и чувствует себя совершенно непринужденно. Я всего лишь Джулс Ларсен, уроженка маленького пенсильванского городка, где все занимаются добычей угля. На моем банковском счету осталось меньше пятисот долларов.

Мне здесь не место.

Но в объявлении не упоминался адрес. Там просто говорилось, что требуется кто-то, кто мог бы присмотреть за квартирой в отсутствие хозяев, и предлагалось позвонить по указанному телефону. Я могла. Я позвонила. Мне ответила Лесли Эвелин, продиктовавшая адрес и место встречи. Верхний Вест-Сайд. Но

Запри все двери

я поняла, во что вляпалась, только когда оказалась возле здания, судорожно перепроверяя адрес, не в силах поверить, что это и вправду нужное место.

Бартоломью.

Самое узнаваемое многоквартирное здание Манхэттена после Дакоты и двуглавого Сан-Ремо. Отчасти это связано с его узким фасадом. По сравнению с другими легендарными зданиями Нью-Йорка Бартоломью кажется тенью — тонкая полоска камня, всего тринадцать этажей, возвышающихся над западной частью Центрального парка. Бартоломью выгодно отличается от окружающих громадин. Он невелик, изящен и незабываем.

Но главная причина его славы — горгульи. Самые что ни на есть классические горгульи с крыльями как у летучей мыши и угрожающими рогами. Эти каменные твари здесь повсюду — парочка примостилась прямо над парадным входом, другие притаились по углам крыши. Фасад тоже украшен горгульями. Они сидят на небольших мраморных выступках, воздев руки к наружным карнизам, словно удерживая весь Бартоломью от падения. Из-за горгулий здание похоже на готическую церковь — поэтому его прозвали Сейнт-Барт.

За долгие годы Бартоломью со своими горгульями успел стать популярным объектом для съемки. Я видела его на открытках, в рекламе, в качестве фона множества фотосессий. Он появлялся в фильмах. И в сериалах. И на обложке бестселлера из восьмидесятых под названием «Сердце мечтательницы», из которого я впервые узнала о Бартоломью. Джейн часто читала эту книгу вслух, пока мы вместе валялись на ее просторной двуспальной кровати.

В книге рассказывалась история двадцатилетней сироты по имени Джинни, по прихоти судьбы и бла-

годаря щедрости своей бабушки, которую она никогда не знала, поселившейся в Бартоломью. Джинни пытается освоиться в непривычно роскошной обстановке, примеряет множество причудливых нарядов и лавирует между несколькими ухажерами. Несомненно, это легкомысленная история, но оттого она не менее замечательна. После таких историй девочки начинают мечтать о том, чтобы найти свою истинную любовь на улицах Манхэттена.

Пока Джейн читала, я разглядывала обложку книги, на которой красовался Бартоломью. В нашей округе подобных зданий не было и в помине — лишь унылые одинаковые домишки и закопченные витрины, изредка перемежавшиеся школами или церквями. Мы с Джейн никогда не были в Манхэттене, но он манил нас. Как и мысль о том, чтобы поселиться в таком месте, совершенно не похожем на крохотный двухквартирный дом, в котором жили мы с родителями.

— Когда-нибудь, — то и дело повторяла Джейн, дочитав очередную главу, — когда-нибудь я буду там жить.

— А я буду приходить в гости, — добавляла я.

Джейн проводила рукой по моим волосам.

— В гости? Мы будем жить там вместе, Джули.

Само собой, ни одна из наших детских фантазий не осуществилась. Детские мечты никогда не сбываются. Разве что у кого-нибудь вроде Лесли Эвелин. Но не фантазии Джейн. И уж точно не мои. Самое большее, что мне светит, — это поездка на лифте.

Шахту лифта обвивает лестница, проходящая через центр здания. Мне хорошо видно ее через окна. Десять ступенек — лестничная клетка — еще десять ступенек.

По одному из пролетов с трудом спускается пожилой мужчина, которого поддерживает под руку уста-

Запри все двери

лого вида женщина в фиолетовом костюме медсестры. Она терпеливо ждет, пока старик переведет дыхание, прежде чем пойти дальше. Они оба делают вид, что не обратили внимания на поднимающийся лифт, но украдкой все же бросают взгляды, прежде чем следующая лестничная клетка скрывает их из виду.

— В здании одиннадцать жилых этажей, начиная со второго, — говорит Лесли. — На первом этаже расположены служебные и подсобные помещения, а также сервисные службы. В подвале находится склад. На каждом этаже — четыре квартиры. Две в передней части здания и две в задней.

Медленно, но верно мы поднимаемся еще на один этаж. Снаружи ждет женщина, примерно возраста Лесли. Она одета в леггинсы, угли и толстый белый свитер и держит в руке украшенный стразами поводок, тянущийся к ошейнику неправдоподобно крошечной собачонки. Женщина машет Лесли в знак приветствия, разглядывая меня через большие солнечные очки. Несколько секунд, что мы смотрим друг на друга, оказывается достаточно, чтобы я узнала ее. Она актриса. Или, по крайней мере, была актрисой. Прошло десять лет с тех пор, как я последний раз видела ее по телевизору — в той мыльной опере, которую мы смотрели летом вместе с мамой.

— Это...

Я умолкаю, когда Лесли поднимает руку.

— Мы никогда не обсуждаем жильцов. Это одно из наших негласных правил. Здесь, в Бартоломью, мы умеем уважать конфиденциальность. Люди, живущие здесь, желают чувствовать себя комфортно в этих стенах.

— Но здесь и правда живут знаменитости?

— Я бы так не сказала, — ответила Лесли, — и нас это вполне устраивает. Не хватало еще толп папарац-